

душа человека будет потеряна для него, если тот скончается, полный истинной веры. И посему, – говорил король, – наша обязанность – обороняться и защищать себя от силков врага рода человеческого, когда он искушает нас: «Убирайся прочь! Ты не отвратишь меня от крепкой веры в постулаты моей религии. Если ты даже отсецешь мне все члены, я все равно буду жить и умру, как истинный верующий». И любой, кто будет действовать таким образом, одолеет дьявола тем же самым оружием, которым враг рода человеческого собирался уничтожить его».

Кроме того, король Людовик сказал, что в христианскую религию, как она изложена в Символе веры, мы должны верить безоговорочно, пусть даже наши убеждения основаны на молве. Тут он спросил меня, как имя моего отца. Я сказал, что Симон. Затем он спросил, откуда я это узнал, а я ответил, что убежден в этом и безоговорочно верю, потому что мне рассказывала мать. «Тогда, – сказал он, – ты должен быть столь же безоговорочно убежден во всех постулатах нашей веры, о которых слышишь в воскресных песнопениях Символа веры».

Как-то король повторно рассказал мне то, что Гийом, епископ Парижский, поведал ему о некоем известном богослове, который прибыл для встречи с ним и сказал епископу, что хотел бы поговорить с ним. «Говорите совершенно свободно, сир, как вам нравится», – сказал епископ. Но как только теолог попытался заговорить с ним, он разразился слезами. На что епископ сказал: «Говорите все, что вы собирались сказать, сир, и не впадайте в отчаяние; нет такого грешника, которого Господь не мог бы простить». – «Действительно, мон-сеньор, – сказал теолог, – я не мог сдержать слез. Поскольку боялся, что должен оказаться отступником, ибо не мог заставить сердце поверить в таинство алтаря, как учит святая церковь. Хотя хорошо понимал, что это искушение, которому нас подвергает враг рода человеческого». – «Прошу, признайтесь мне, – попросил епископ, – испытываете ли какое-то удовольствие, когда враг подвергает вас такому искушению?» – «Наоборот, монсеньор, – сказал теолог, – это предельно беспокоит меня». – «А теперь, – сказал епископ, – я спрошу вас, приняли бы вы любое количество золота или серебра, если вам предложат изрыгнуть из своих уст хулу на святость алтаря и другие дары нашей святой церкви?» – «Монсеньор, – сказал его собеседник, – заверяю вас, ничто в мире не заставит меня сделать это. Скорее я позволю вырвать из тела любой его член, чем соглашусь сказать нечто подобное».

«А теперь, – сказал епископ, – я подойду с другой стороны. Вы знаете, что король Франции ведет войну с королем Англии; вы также знаете, что замок, ближайший к линии границы, что разделяет их владения, – это крепость Ла-Рошель в Пуату. И я задам вам вопрос. Представьте, что король поставил вас оборонять замок Ла-Рошель, а мне поручил возглавить охрану замка Монлери, который стоит в самом центре Франции, где царит мир. Как вы думаете, кому из нас к концу войны король будет больше обязан – вам, который, не понеся потерь, охранял Ла-Рошель, или мне, который в безопасности находился в Монлери?» – «Во имя Господа, монсеньор, – вскричал теолог, – конечно, мне, который сберег Ла-Рошель и не сдал ее врагу». – «Сир, – сказал епископ, – мое сердце подобно крепости Монлери, потому что я не подвергался искушениям и не испытывал сомнения в святости алтаря. По этой причине говорю вам, что если Господь дарует мне свою милость из-за того, что моя вера тверда и нерушима, то вчетверо больше Он даст вам, который смог уберечь свое сердце от поражения и, более того, явил такое преклонение перед Ним, что никакой страх перед телесными муками не заставит вас отвергнуть Его. Так что хочу успокоить вас, потому что ваше положение куда больше радует Господа нашего, чем мое». И когда теолог услышал это, он преклонил колени перед епископом, довольный тем, что обрел мир в своей душе.

Король как-то рассказал мне о четырех людях из альбигойцев, которые пришли к графу де Монфору, в то время охранявшему их земли для его величества, и попросили его прийти и убедиться, как плоть и кровь в руках священника претворяются в тело Господа нашего. Граф ответил им: «Идите и смотрите сами, вы, которые не верят в это. Что же до меня, то я твердо верую, в соответствии с учением церкви о святости ее обрядов. И знаете, – добавил он, – что я обрету в смертной жизни, веря учению святой церкви? Корону на небесах, прекраснее той, что на ангелах, ибо они видят Господа лицом к лицу и не могут не верить».

Король Людовик рассказал также о большом собрании клириков и евреев, которое состоялось в монастыре Клюни. В то время в нем пребывал некий бедный рыцарь, которому аббат из-за любви к Богу часто давал хлеб. Рыцарь попросил аббата дать слово ему первому, и аббат, хотя и не без сомнений, удовлетворил его просьбу. Встав, рыцарь оперся на свой костыль и попросил, чтобы перед ним предстал самый важный и самый ученый раввин среди собравшихся здесь евреев. И как только такой еврей появился, рыцарь задал ему вопрос. «Могу ли я узнать, сир, – сказал